

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КНИГИ ПАМЯТИ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕПРЕССИЙ В ОТНОШЕНИИ
БЫВШИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ В СССР (НА ПРИМЕРЕ
ФИГУРАНТОВ ОМСКОГО ДЕЛА «ОРГАНИЗАЦИИ АРТАМОНОВА»)**

Петин Дмитрий Игоревич^{1,2}

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия

^{1,2} dimario86@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9987–3347

Аннотация: Работа анализирует содержательные возможности такого официального источника, как региональная книга памяти жертв политических репрессий, применительно к реконструкции коллективного портрета репрессированных лиц. Как пример выбрано омское дело «организации Артамонова», ядро которой «по версии следствия» составили бывшие белогвардейцы, преимущественно, в прошлом офицеры или военные чиновники армии Российского правительства А.В. Колчака. Методологическая основа исследования – сочетание антропологического подхода, сравнительно–исторического и статистического методов. Цель работы – оценить информационные потенциалы книг памяти, соотнеся сведения о фигурантах указанного дела. Полученные результаты исследования интерпретируются применительно к социальной истории и репрессивной политике советского государства в 1930–е гг.

Ключевые слова: историческая антропология, просопография, офицерство, Гражданская война, белое движение, белая армия, советское общество, сталинизм, Большой террор, политические репрессии, Омск.

Постановка проблемы. Массовые политические репрессии в довоенном СССР уже в течение более четверти века являются одной из острых тем российской историографии. В том числе, в современных исследованиях устоялась методика изучения карательной политики коммунистического государства через призму коллективного портрета репрессированных лиц. В этом вопросе первоисточником, безусловно, являются архивные уголовные (следственные) дела. Но специалисты обращают внимание на использование в данных целях коммеморативных справочных изданий – книг памяти и тождественных им тематических сетевых ресурсов открытого доступа. Известны подобные наработки, акцентированные на социальной истории [См. напр.: 1–5]. Опыт показывает, что применение этих (вторичных, на первый взгляд) источников в ряде моментов может быть более удобным, например, исходя из скорости доступа, извлечения информации. Стоит согласиться с доводом историка Л.А. Лягушки-

ной о том, что биографические справки в мартирологах содержат (пусть в лаконичной форме) данные о возрасте, поле, характере трудовой занятости репрессированных, об аресте, осуждении, исполнении приговора, реабилитации и месте хранения документов. Этот автор подчеркивает, что для базовой просопографии репрессий «использование “Книг памяти” представляется эффективным и необходимым» [3, С. 165].

Но такой опыт пока не получил распространения применительно к Омскому региону. Между тем, исторические предпосылки, связанные с периодом Гражданской войны обусловили то, что в Омске – бывшей колчаковской столице – активные репрессивные процессы начались сразу с восстановлением советской власти [См. подр.: 6–7]. «Белогвардейский след» и позднее был здесь одним из «лейтмотивов» большевистской карательной политики в отношении «исторической контрреволюции»¹ [См. подр.: 8; 9]. В годы Большого террора в Омске подобным масштабным процессом стало фабрикованное дело «организации Артамонова» о «разоблаченном» подпольном формировании, состоявшем, преимущественно, из бывших офицеров и военных чиновников колчаковской армии. По «версии» следствия организация имела «цель» при нападении Японии на СССР вооруженным путем свергнуть советскую власть, производя диверсии в советском тылу. «Руководил» подпольем 65-летний Н.Н. Артамонов – бывший генерал-майор, военный финансист «старой» и белой армии, отставной военспец РККА [См. подр.: 11]. В исследованиях этот репрессивный процесс нашел лишь обзорное описание с некоторыми фактическими разночтениями [См. подр.: 8, С. 134, 137–138; 12, С. 28–36], с чем связана актуальность нашей работы.

Основная часть. Известны имена 88 мужчин, включенные в справочно-информационное издание «Забвению не подлежит» [13] (далее – книга памяти), репрессированных по политическим мотивам (расстрелянных в 1937 г. в Омске) и реабилитированных в 1957 г. Сведения о них сосредоточены в одном архивном уголовном деле (соответствующая отметка «П–5226» завершает каждую поисковую статью в книге памяти) [14]. Исследователи советских спецслужб В.П. Василевский и А.В. Сушко указывают, что по тому делу проходили 84 чел. (83 расстреляны, 1 отпущен) [8, С. 138]. Историк В.М. Самосудов пишет, но без какой-либо конкретизации о 88 арестованных по делу [12, С. 28]. Книга памяти также сообщает о 88 расстрелянных, но, не давая сведений о лице, в отношении кого органы НКВД прекратили преследование (хотя подобные примеры в издании неоднократны).

По итогам исследования книги памяти были выделены и по возможности взаимосвязано изучены социально-демографические параметры в отношении 88 упомянутых граждан. Анализ произведен в соответствии с тем, как сведения излагаются в поисковых статьях в книге памяти. Вслед за фамилией, именем и отчеством указываются год и место рождения, место проживания на момент

ареста и характер трудовой занятости, национальность, даты ареста, приговора, орган вынесший решение и ссылка на статью УК РСФСР, дата приведения приговора в исполнение, дата реабилитации, реабилитировавший орган, номер архивного уголовного дела.

Фигурантами дела «организации Артамонова» были лица 1862–1900 годов рождения. При их условном возрастном разграничении для исследования использовано принятое в социологии деление по десятилетиям. Значительную часть (43 чел.) составили лица, родившиеся в 1887–1896 гг., чей возраст составлял на 1937 г. 40–50 лет. В годы Первой мировой и Гражданской войн они представляли социальную основу офицерства [См. подр.: 15]. В численном плане за ними идут 22 репрессированных по делу – родившиеся в 1877–1886 гг. Самые малочисленные категории – родившиеся в 1862–1866 гг. и в 1867–1876 гг. (каждая группа по 6 чел.), родившиеся в 1897–1900 гг. (12 чел.).

События 1914–1922 гг. и различные военно-политические обстоятельства приводили, в том числе, к тому, что люди нередко оказывались далеко от родных мест. Так, 66 фигурантов дела – уроженцы других регионов. Значительная часть задержанных по делу – 78 чел. – проживало в Омске. Жителей Тары было арестовано четверо, также задержаны один житель совхоза № 239 Омского района и села Изылбаш Черлакского района, один житель села Екатеринославка Тарского района, один села Петровка Ишимского района и еще один житель Ишима (ныне Тюменская область).

Большое количество бывших офицеров в советском Омске – крупном западносибирском городе – объясним тем, что здесь имелось множество вариантов трудовой и социальной реализации для этих людей с достойным образовательным цензом. На периферии их проживало гораздо меньше. В Омске дислоцировалось немало частей РККА, в которые уже с рубежа 1919–1920 гг. активно привлекали на службу бывших офицеров, нередко из пленных белогвардейцев, в том числе, готовивших затем будущих красных командиров [См. подр.: 15; 16]. В 1920–е гг., начиная штатскую жизнь, многие военспецы оставались в уже привычном Омске. О заметном присутствии представителей офицерства в городском населении тогда указывали омские чекисты, сообщая, что условно каждый 150–й омич – это экс-белогвардеец в чине от юнкеров до генералов [17, С. 1130] (а всего таковых насчитывалось порядка 1200 чел.). Да, эту категорию омичей к 1937 г. заметно «проредили» массовые репрессии, начавшиеся в Сибири в 1933 г. с «разоблачением» «Белогвардейского заговора» (сроки заключения тогда получили не менее 296 чел. [9, С. 197], а количество расстрельных приговоров еще подлежит уточнению).

Национальный состав фигурантов дела «организации Артамонова» был таковым: 79 чел. идентифицировали себя как русские; по 2 чел. – украинцы и белорусы, по 1 чел. – армяне, евреи, латыши, немцы.

Арестованные являлись, главным образом, представителями различных интеллектуальных профессий, что связывалось с образовательным цензом. Из них самыми многочисленными категориями репрессированных по тому делу, стали финансовые служащие (28 бухгалтеров и 4 счетовода) и педагоги (10 чел.). В меньшем количестве присутствуют: административные работники (6 чел.), инженеры (6 чел.), ревизоры (5 чел.), юристы (4 чел.), агрономы (4 чел.), снабженцы (3 чел.), лица творческих профессий (6 чел.). Особняком выделяются 2 представителя духовенства. Число рабочих и работников неквалифицированного труда минимально относительно общего числа (7 чел.). Из 88 арестованных по делу не работали трое – 2 иждивенца и пенсионер.

Но книги памяти вряд ли дадут полную картину об образовательном уровне репрессированных лиц, хотя такая характеристика в ряде случаев присутствует в поисковых статьях. Из 88 фигурантов дела «организации Артамонова» это указано у 11 лиц: 3 чел. имели высшее образование, 4 чел. – среднее, остальные 4 чел. – неоконченное среднее. Но характер трудовой занятости большинства из 88 чел. предполагал наличие, как минимум, общего среднего, а в ряде случаев – высшего образования. Стоит учесть, что по правилам чиновничества Русской армии и связанным с этим назначениям на высокие по рангу должности, высшее военное образование должны были иметь военно-служащие от полковника и старше. Традиционно высок был уровень интеллектуальной подготовки обер- и штаб-офицеров артиллерии, инженерных войск, топографической службы [См. подр.: 18–19].

Любопытно, что в поисковых статьях книги памяти в отношении фигурантов «организации Артамонова», которая «разрабатывалась» следствием как «офицерская», упоминания о наличии чина и принадлежности собственно к офицерству (но не к белому движению) есть лишь у самого Н.Н. Артамонова («бывший генерал-майор») и Н.В. Бобова («бывший полковник царской армии») [13, Т. 1, 2000, С. 121, 292]. И это с учетом того, что основная часть репрессированных по данному делу лиц в прошлом являлись офицерами или военными чиновниками «старой» и белой армий [См. подр.: 12, С. 28–36]. В то же время, ряд видных фигурантов процесса (кому следствие «отвело роли» анти-советских идеологов и пропагандистов) являлись сугубо штатскими лицами; например, это Н.И. Бевад (экс-директор канцелярии колчаковского МВД), П.И. Игнатъев (священник), А.С. Журавлёв (епископ-старообрядец) [13, Т. 1, С. 225; Т. 3, С. 277, 408].

В книге памяти в отношении 11 фигурантов дела содержатся сведения об имевших место до 1937 г. преследованиях по политическому признаку. Из этих людей 2 чел. привлекали в 1920 г. (дела тогда же прекращены); 1 чел. в 1930 г. (раскулачен); 3 чел. – в 1931 г. (2 осуждены к заключению на 3 и 5 лет, 1 отпущен); других 4 чел. – в 1933 г. (3 осуждены к 5 годам заключения, 1 – к высылке); 1 чел. – в 1934 г. (осужден к 3 годам заключения). Обращают

на себя внимание 3 чел., осужденные по делу о «Белогвардейском заговоре» в 1933 г. – масштабному карательному процессу в отношении представителей «исторической контрреволюции» [См. подр.: 9, С. 186–201].

Но вряд ли в используемом мартирологе данные о репрессиях, состоявшихся до 1937 г. по части фигурантов рассматриваемого процесса, полновесны. Региональная книга памяти содержит сведения лишь о репрессированных в Омском регионе. Как минимум, обращение к весьма детально исследованным биографиям генералов Н.Н. Артамонова [11] и Н.Е. Вараксина [19] – наиболее видных фигурантов дела – подтверждает факты их арестов в 1920 г. (причем, Вараксина в Омске) чекистами «за службу в белой армии». В книге памяти этой информации не содержится.

Задержания лиц, проходивших по делу, начались 12 марта 1937 г.: первым арестовали главного бухгалтера областной конторы «Госсортфонд» Николая Федоровича Чеснокова (бывший поручик белой армии) [13, Т. 8, С. 376; 20, С. 374]. До середины лета 1937 г. аресты носили единичный характер. За июль арестовали всего 20 чел., в их числе, «главу организации» Н.Н. Артамонова. Пик задержаний пришелся на сентябрь (всего, 49 чел., из них 10 чел. – максимум человек в день – арестовали 14 сентября). Последним (4 октября 1937 г.) по делу был арестован художник Михаил Михайлович Орешников (бывший прапорщик белой армии) [13, Т. 6, С. 168; 20, С. 245].

Согласно сведениям из книги памяти, в отношении лиц, проходивших по делу «организации Артамонова», тройка при Управлении НКВД по Омской области выносила в качестве приговора высшую меру наказания 25 сентября, 25 октября и 25 ноября 1937 г. (осудив по 58-й статье УК РСФСР, соответственно 3, 82 и 3 чел.). Большую часть этих людей (80 чел.) осудили по пунктам 10 и 11 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»), «Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений»). Только по пункту 10 осудили 2 чел. Добавив к пунктам 10 и 11 пункт 2 («Вооружённое восстание, любое действие с намерением насильственно отторгнуть от СССР любую часть его территории или вторжение с целью захватить власть»), осудили 4 чел. Без ссылки на закон осудили 2 арестованных по делу. Основную часть осужденных (83 чел.) расстреляли 28 октября 1937 г.; 5 чел. – 1 ноября². Осенью 1956 г. Омским областным судом все 88 чел. были реабилитированы за отсутствием состава преступления и недоказанностью обвинений³.

Результаты исследования. В историографии в отношении книг памяти устоялась дискуссионная позиция. С одной стороны, историки (в том числе, на примере Омского региона) применительно к эпохам социальных катаклизмов отмечают особую академическую важность подобных изданий, как источников, пополняющих представления по военной и социальной истории, практикам

изучения повседневности и ряду иных аспектов. В центре внимания здесь остается Гражданская война и ее масштабные последствия для российского общества, рассматриваемые сквозь призму политических метаморфоз, активно затронувших в революционный период армию [См., напр.: 22–26]⁴.

В то же время, невзирая на имеющиеся мнения о потенциальном использовании в исследованиях мартирологов, нельзя не согласиться с тем, что по причине своего основного предназначения книги памяти, являясь научно-справочным аппаратом к документальным массивам, преподносят информацию схематично и упрощенно [3, С. 158]. И даже как показывает изучение дела «организации Артамонова», точность отдельных сведений (например, даты осуждения и реабилитации) логично вызывает вопросы на предмет присутствия опечаток, допущенных на этапе сбора или аккумуляции информации.

Кроме того, при соотнесении данных из книг памяти с исследованиями возникает дискуссия о «принадлежности» некоего количества других репрессированных лиц к «организации Артамонова». Историк В.М. Самосудов, рассматривая данный вопрос, называет имена ряда иных бывших белых офицеров и военных чиновников, якобы «состоявших» в «организации» и расстрелянных в Омске и Таре осенью 1937 г. [См. подр.: 12, С. 28–36]. Но в формальном смысле это произошло уже в рамках других коллективных политических дел [См. подр.: 13; 32].

Несмотря на представленные выше критические пассажи, проведенное исследование показало, что шаблонные поисковые статьи из региональной книги памяти применительно к ситуации на момент ареста дают вполне репрезентативные общие сведения о социальном портрете репрессированных. Хотя восстановление отдельных категорий данных (например, образовательный ценз, происхождение, принадлежность в прошлом к офицерству, антибольшевистскому движению и др.), принципиальных для вопросов, связанных с «бывшими людьми» в СССР, для достижения полноты картины, безусловно, требует привлечения иных источников. В первую очередь, таковыми являются архивные уголовные (следственные) дела, опубликованные историко-биографические и генеалогические реконструкции. Но даже рассмотренный частный пример демонстрирует заслуживающие внимания возможности доступных коммеморативных изданий для расширения академических представлений о социальной истории СССР, советской репрессивной политике и краеведении.

Примечания

¹ Осмысление региональных аспектов работы советских органов безопасности с бывшими участниками антибольшевистского движения входит в число актуальных и наполненных дискуссиями проблематик современной историографии [См., напр.: 10].

² Из них 3 чел. приговорили к высшей мере наказания 25 ноября 1937 г. (фактически после расстрела) [13, Т. 3, С. 277, 408, Т. 4, С. 400].

³ Согласно книге памяти, 87 чел. реабилитировали 29 ноября; 1 чел. – 9 ноября [См. подр.: 13].

⁴ Спустя более чем век после окончания в России полномасштабной Гражданской войны, упомянутый выше «белогвардейский след в омском прошлом», как и весьма противоречиво оцениваемая фигура А.В. Колчака, выступают элементом современной историко-культурной, научной и туристической идентичности региона. Данная тенденция на практике наблюдается уже более 10 лет [См., напр.: 27–31].

Список источников и литературы

1. Дьячков В.Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые...»: Книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860 – 1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 120–126.

2. Лягушкина Л.А. Опыт классификации социального положения репрессированных в СССР с помощью метода опорных векторов // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 128–139.

3. Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. Т. 2. С. 157–166.

4. Мишина Е.М. «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 152–162.

5. Мишина Е.М. «Книги памяти» жертв политических репрессий как исторический источник (1941–1945 гг.): анализ информационного потенциала // Cahiers du monde russe. 2021. № 4. С. 581–602.

6. Стельмак М.М., Сушко А.В. «Расстрел врагов революции»: к вопросу о карательной политике советского государства в отношении бывших белогвардейцев в Омске в 1920 г. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат-лы II Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 19–20 окт. 2022 г.). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 208–215.

7. Сушко А.В. Массовые политические репрессии в 1920 г. в Омске: к оценке антисоветского заговора Драчука–Орлеанова в историографии // Мат-лы XVI Междунар. науч.-практ. конф. «Омские социально–гуманитарные чтения – 2023» (22–24 марта 2023 г.). Омск: ОмГТУ. С. 130–134.

8. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.

9. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: ТГУ, 2012. 586 с.

10. Сушко А.В. Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А.Б. Гуларяна и А.Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 83–89.

11. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал–майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.

12. Самосудов В.М. Записки из кровавого года. Омск: ОмГПУ, 2000. 168 с.

13. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. Омск : Ом. кн. изд–во, 2000–2004.

14. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–5226. Т. 1–7.

15. Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920–е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.

16. Федотова И.В. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919–1920 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 73–82.

17. Сушко А.В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1125–1137.

18. Суряев В.Н. «Нелёгкое служебное движение армейского офицерства». Чинопроизводство и прохождение службы офицерами русской армии накануне Первой мировой войны // Военно–исторический журнал. 2014. № 9. С. 50–56.

19. Суряев В.Н. Комплектование корпуса офицеров русской армии: образовательный ценз (1900–1914 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 114–122.

20. Жукова Н.С., Петин Д.И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н.Е. Вараксин (1862–1937) — современник трагического века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 137–145.

21. «Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 – 1920–е гг.): науч.–справ. изд. / авт. предисл. и отв. ред. Д.И. Петин. Омск: Амфора, 2017. 408 с.

22. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры — красная власть”»: именной указатель к фондам Исторического архива

Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» — Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 47–55.

23. Блинова О.В. «Красные белоармейцы»: заметки о новом справочном издании омских архивистов // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: мат-лы всеросс. науч. конф. посв. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию гос. арх. служ. России (15 нояб. 2018 г.). Омск: ОмЮОА, 2019. С. 10–20.

24. Олихов Д.В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы Гражданской войны: справочник–мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918–декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 141–159.

25. Сушко А.В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 1. С. 30–38.

26. Калиновский В.В. «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 26–31.

27. Сорокин А.П., Лосунов А.М. Мифологема «столичности» города Омска: исторические основания и современный контекст // Культурологический журнал. 2012. № 3. С. 3–9.

28. Базанов П.Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188.

29. Скорикова Н.А. Читая между строк: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 194–198.

30. Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

31. Пученков А.С. Античный герой? Штрихи к психологическому портрету адмирала А.В. Колчака // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. Омск: ОмГТУ. С. 249–259.

32. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–8349.

Для цитирования: Петин Д.И. Информационные потенциалы региональной книги памяти для изучения репрессий в отношении бывших белогвардейцев в СССР (на примере фигурантов омского дела «организации Артамонова») // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г. Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 252–260.